

21. Ливицкая З. Г. Из ялтинского окружения. Отец Сергей Щукин / З. Г. Ливицкая // Крымские пенаты : альманах литературных музеев. – Симферополь, 1998. – № 5. – 148 с.
22. Морозова Е. Земли улыбка, радость неба / Е. Морозова // Путеводитель по православным святыням южного побережья Тавриды : ч. 1. – Ялта, 2006. – С. 21-22.
23. Рагулина М. В. Культурный ландшафт и сотворчество человека и природы / М. В. Рагулина. – 2007.
24. Севастьянов И. «...Мог быть садовником» / И. Севастьянов // Советский Крым. – 1990. – № 19. – 28 января.
25. Сысоев Н. Чехов в Крыму / Н. Сысоев. – Симферополь : Крымиздат, 1960. – 126 с.
26. Шалюгин Г. А. «Приют мой – это женская гимназия...» / Г. А. Шалюгин // Крымские пенаты : альманах литературных музеев. – Симферополь, 1998. – № 5. – 148 с.
27. А. П. Чехов : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://chehov.niv.ru/chehov/bio>
28. Чехов А. П. Избранное. Рассказы. Повести. Пьесы / А. П. Чехов. – Симферополь : Таврия, 1977. – С. 430.
29. Чехов А. П. Архиерей / А. П. Чехов // Рассказы и повести / А. П. Чехов. – М. : Правда, 1984. – С. 446.
30. Звиняцковский В. Я. Очевидное – невероятное : Чехов-реалист (по поводу запахов и звуков) / В. Я. Звиняцковский // Чеховские чтения в Ялте. – Симферополь : Доля, 2008. – Вып. 12 : Мир Чехова : звук, запах, цвет.
31. Бэкон Ф. О садах / Ф. Бэкон // Сочинения : в 2-х т. / Ф. Бэкон. – М., 1978. – Т. 2. – С. 453.

Дайнеко Л.И., Пащенко Е.И.

УДК 008(477.75):821.161.1

ПОРТРЕТ КРЫМА «КИСТИ» И. СЕЛЬВИНСКОГО

Стихи И. Сельвинского о Крыме – весомый вклад поэта в русскоязычное стихотворное крымоведение, которому на сегодняшний день более 200 лет. Его зачинателями в конце ХУШ века стали П. Сумароков и К. Батюшков [12, с. 74-75]. В XIX веке для большинства жителей России полуостров оставался terra incognita. Позволить себе путешествие в Крым могли лишь избранные. Несмотря на это, увидеть и полюбить «волшебный край» уже в XIX веке смогли тысячи людей. Они сделали это благодаря стихам А. Пушкина.

Стихотворное крымоведение XX века представлено такими именами, как И. Бунин, О. Мандельштам, М. Волошин, В. Маяковский, М. Цветаева, А. Ахматова... В этом созвездии имен И. Сельвинский занимает особое место. В отличие от предшественников и современников, он в Крыму родился и сформировался как личность. Именно здесь И. Сельвинский не просто начал писать стихи (в девять лет), но стал поэтом. Малая родина всегда жила в его сердце. На мир «за Перекопом» он всю жизнь смотрел глазами крымчанина. Вот почему крымскую тему можно неожиданно встретить в таких его произведениях как поэма «Арктика», роман «Пушторг» [5, с. 91-92] или драма «Ливонская война» [5, с. 84-85]. Второе отличие И. Сельвинского от поэтов, писавших о Крыме, состоит в том, что он оставил нам не только стихотворные строки, но и великолепную прозу в виде романа «О, юность моя!». Ценнейшим источником для историков-крымоведов XX века являются также автобиографии, дневники и письма поэта.

Творческое наследие И. Сельвинского как важная составляющая литературного крымоведения давно привлекает исследователей. Историография обозначенной темы достаточно обширна. Практически в каждом из сборников статей по итогам Крымских чтений И. Л. Сельвинского мы находим работы так или иначе с ней связанные. Разные аспекты этой темы рассмотрены в книгах литературоведов О. Резника, В. Гаврилюка [4, с. 52-53; 10, с. 55-56].

В настоящей статье поставлена цель проанализировать малоизвестные стихи И. Сельвинского, объединенные им в «Крымскую коллекцию». Наиболее нежные чувства поэт испытывал к Евпатории. Однако в его палитре нашлись краски и для описания других городов и местечек Крыма.

«Крымская коллекция» почти не известна публике в связи с тем, что после 1937 года долгое время не публиковалась [11, с. 19]. Благодаря усилиям работников Дома-музея И. Сельвинского этот цикл был частично перепечатан из сборника «Рекорды» в 1996 г. [2, с. 20-23] и полностью в 2007 г. [14, с. 34-48].

«Крымская коллекция» состоит из двенадцати стихотворений, написанных в 20-е годы. Четыре лирических наброска о крымских городах («Перекоп», «Симеиз», «Евпатория», «Севастополь») вошли в первый сборник стихов И. Сельвинского «Рекорды», опубликованный в 1926 г.

Отпуск 1929 года Илья Сельвинский провёл в Крыму с женой Бертой Яковлевной. Они поженились в 1924 году, в 1927 году родилась дочь Татьяна. К этому времени он – известный поэт, лидер литературного течения конструктивистов. В июле 1929 г. И. Сельвинский писал другу, известному поэту Николаю Адуеву, как прекрасно они проводят время: «Мы с Бертой Яковлевной проехали лодкой от Балаклавы до Ялты, оттуда ночью машиной в Гурзуф, затем, пробыв в Ялте 2 дня, на лёгком авто махнули через Байдары обратно в Балаклаву». Однако поэт не выходит из профессии на время отпуска. Далее И. Сельвинский отмечает: «Оказывается, лучше всего творчески мечтается в автомобиле». Поэт делится с другом далеко идущими планами: написать роман, причём «нового вида», под названием «Энциклопедия семьи Медведевых». Он полагал, что роман «будет самым грандиозным делом» его жизни, после чего собирался стать профессором, «писать трагедии и кушать» [ДМС].

Подготовка к роману началась в отпуске. В частности, И.Сельвинский работал над «Крымской коллекцией», которая должна была войти в роман: это... «серия маленьких (не больше 30 строк) лирических набросков о крымских городах... будет состоять из 12-15 штучек...» [ДМС].

На каком историческом фоне проводили время в Крыму поэт и его жена? Перелистаем страницы газеты «Красный Крым» (предшественницы «Крымской правды») за лето 1929 года. Вот характерные заголовки: «Чистка партии вступила в третий и самый ответственный этап», «Мечеть – под хлебозавод», «Урожай хлеба – под строгий контроль, все излишки – государству», «Шире коллективизацию при проведении земреформы», «Создание фонда индустриализации СССР» и даже – «Можно ли коммунисту во время чистки ехать в отпуск?» [6]. В то время Сельвинский числился в «попутчиках». Даже при сильном желании он не смог бы вступить в ВКП (б). Поэтому последний вопрос не имел к нему отношения. (Илья Сельвинский вступил в партию в 1941 г.).

В ходе крымского путешествия родились восемь стихотворений коллекции: «Симферополь», «Балаклава», «Кацивели», «Форос», «Алупка», «Ялта», «Гурзуф», «Коктебель». Причем стихотворение о Балаклаве представлено в двух вариантах. Второй И. Сельвинский назвал «дубликатом». Зачин цикла – четыре строки, посвященные Перекопу. В разные эпохи «ворота» полуострова штурмовало множество завоевателей. В противостоянии одному из них участвовал 17-летний поэт. В апреле 1918 года он в составе красновардейского отряда отражал наступление немецких войск. Вероятно, эти воспоминания легли в основу четверостишья. Картина Перекопа мрачная, тревожная:

Ворон, сидящий на цвели дrevка,
Гнилою кровью закишее море...
Здесь закончилось введение в века –
Отсюда начинается история [14, с. 34].

Судя по вступлению, в «Крымской коллекции» читателя ожидает описание грозных исторических событий, битв и т.п. Однако вступление не соответствует содержанию цикла. Одиннадцать следующих за «Перекопом» стихотворений повествуют не о кровавой истории полуострова, а являются записками путешественника-отпускника. Однако это не обычный для Крыма отдыхающий. Он не просто влюблен в каждый город, местечко полуострова, но прекрасно ориентируется в истории края, архитектуре зданий, ландшафтах. Стихи цикла выдают настроение автора. Приглушенная цветовая гамма, легкая ирония и самоирония – все это говорит о том, что путешественник находится в состоянии умиротворения. Он спокоен и счастлив, как и положено быть в отпуске семейному человеку.

Литературоведы неоднократно отмечали, что образотворчество И. Сельвинского основано в первую очередь на зрительном восприятии картины мира [16, с.35]. Живописность, цветопись – характерная черта его поэзии. Специальные исследования этого вопроса осуществили филологи И. А. Неведрова и Л. С. Пастухова. «Лирика Сельвинского многоцветная, радужная, – отмечает Л. С. Пастухова, – ...в ней представлено, говоря словами поэта, и «семицветы», и «стоцветы»: все семь цветов радуги в их неисчислимых полутонах и оттенках [9, с. 43] И. А. Неведрова пришла к выводу, что у И. Сельвинского на протяжении всего творчества преобладают три цвета – золотой, красный и синий (голубой) [8, с. 73].

А какими красками написана «Крымская коллекция»? Из семи цветов радуги поэт взял только четыре. По одному разу он использовал желтый, зеленый, синий и фиолетовый цвета. Любимого красного нет вовсе. Зато много полутонов, оттенков, цветосочетаний – коралловый, розовый, рыжий, лиловый, серый, сизый, черный. Неоднократно мелькает в цветовой палитре цикла излюбленное поэтом золото. Бросается в глаза обилие белого: «белые белогвардейские виллы» Евпатории, белое солнце Балаклавы, «белые гребни» гор Симеиза, «белая башенка мечети» в Гурзуфе. Добавим сюда «сахарные дворцы» Симеиза, «пароходы, стерильные, как палата» в ялтинском порту, «в облачном белье Аю» над Гурзуфом. В двух миниатюрах И. Сельвинский настолько озорно, играючи пользуется красками, что это вызывает восхищение:

Загар в Евпатории золотой,
В Алупке сизый, в Алуште рыжий,
В Гурзуфе лилово-густой,
В Ялте лиловый пожиже;

Но в Севастополе даже загар
Сер, как серы его броненосцы
«Севастополь» [14, с. 37].

Огни в горах.
Они горят
Стаканами морозных вин,
Желтых, черных, розовых,
Залитых
Золотых
«Гурзуф» [14, с. 46].

В целом рассказ поэта о крымских городах и поселках написан в полутонах, окутан некой дымкой, на фоне которой точными четкими мазками обозначены особенности ландшафта.

Это, конечно, Балаклава:
Под солнцем, колокольню-гулким,
Лежит она, каналья,

А вот Кацивели:
Венецианским переулком
По сторонам канала [14, с. 38].

Симеиз:
Орлиное гнездо
Над синею стремниной [14, с. 40].

И крымским сфинксом выставлена,
Ветром пересвистана,
Огромная пятнистая
Каменная рысь [14, с. 42].
В стихотворении «Форос» слышится эхо дореволюционных голосов, застрявших «по готикам ущелий» [7, с. 41]. «Ай-Петри и ковыль» - это окрестности Алупки [14, с. 46]. В Гурзуфе:

И с белой башенкой мечеть,
В зеленой шубе Даг [14, с. 46].

А вот скалы Карадага в окрестностях Коктебеля:
И рыжие, как зунд,
Шершавые, как зуд,
Они ползут, они ползут,
Покуда ввысь не вознесут
Зуб [14, с. 48].

Портрет любого города не полон, если в нем нет особенностей его архитектуры. И. Сельвинский мастерски справляется и с этой задачей.

Симферополь:
Такой аккуратный в стиле Ампир [14, с. 35].

Севастополь:
...бронелитен, вмурован, клыкаст [14, с. 37].

В Форосе в архитектуре дворца чаеоторговца Кузнецова широко использовалось чугунное художественное литье [5, с. 93-94]. Во время И. Сельвинского оно, видимо, выглядело уже неприглядно:

Знамен былых ржавщина,
Вмурованная в щели [14, с. 41].

Симеиз моментально всплывает в памяти того, кто там бывал:
Игрушечной Европою
Раскинулся проспект.

Где под небесной замшей
На сотую долю версты –
Коралловые замки,
Сахарные дворцы [14, с. 42].

Визитная карточка Алупки получилась с перчинкой:
Мраморные львы,
Похожие на евреев [14, с. 43].

Илья Сельвинский внес значительную лепту в крымскую пейзажную лирику, зачинателем и непревзойденным мастером которой остается А.С. Пушкин.

В Балаклавской бухте:
Аквамаринная прозрачность,
Выложенная небом [14, с. 39].

В Форосе:
Сквозь лавр и тамариски,
Меж восковых магнолий
Внизу летают брызги,
То чайки или море? [14, с. 41].

В Ялте:
Дымятся, курятся
Горы,
Раскуривайтесь, великаны!
Здесь, внизу, еще лето...
А там уж осень в запевшем камне,
Фиолетовая
Фантасмагорья [14, с. 45].

«Крымская коллекция» Ильи Сельвинского передает не только ландшафт, архитектуру, краски и пейзажи. Она еще звучит и ... пахнет. Звуки разнообразны. В Симеизе поэт услышал «щебня скрежет и ропот» [14, с. 42]. В Коктебеле ему встретилось «стадо жирных камней, фыркающее пеной» [14, с. 48]. Евпаторию невозможно представить без трамвая. Поэтому там: «Волна ложится корректно и просто с электрическим звоном – дзинь!»

В Севастополе:

Бьют орудийные башни,
Акулы в небе жужжат [14, с. 37].

В Гурзуфе все еще «слышны скрипы мерных бригадин», на которых ходил А. Пушкин [14, с. 46].

С запахами еще интереснее. Именно передачей различных запахов, характерных для того или иного города, поселка И. Сельвинский делает свой рассказ о них живым, осязаемым. Он не боится того, что крымский воздух не всегда наполнен благоуханием. Понятно, чем пахнет «гнилою кровью закишее море» Сиваша у Перекопа [14, с. 34]. А вот в любимой Евпатории и загар золотой и пахнет по-другому:

Запах губки и мокрых простынь,
Жженный запах пляжных корзин. [14, с. 36].

В Севастополе – напротив – «целыми днями гарь» [14, с. 37].

На горных тропах Качивелли не обойтись без лошади. Поэтому:

Здесь тянет потною ездой,
Вяленой кониной;
Кобыльим пахнут молоком
Скачущие вершины [14, с. 40].

Необычен воздух Фороса, где «гниет тлеет ладан». Сначала кажется, что «то пахнут кипарисы», но потом понимаешь, что «это пахнут будни казенного века» [7, с. 41]. В Ялте и сегодня, как в 20-е годы прошлого столетия:

Внизу чадят шашлыки, а выше
Дымятся, курятся
Горы [14, с. 45].

Вслед за другими исследователями творчества И. Сельвинского мы отмечаем, что он создал не только зрительный, но и эмоциональный образ Крыма. Читая его стихи, мы воспринимаем «волшебный край» всеми органами чувств, вплоть до осязания «мокрых простынь» в Евпатории и «шершавых» скал в Коктебеле [1, с. 83; 14, с. 36-48].

Стихи из «Крымской коллекции» И. Сельвинского поднимают настроение, воодушевляют читателя. Это происходит и потому, что они наполнены мягким юмором, иронией и самоиронией. Даже в повествовании о том, как некие влюбленные пронзили ствол статной корабельной сосны в алушкинском парке «какою-то датой», он не переходит за эту грань. Поступок молодых людей, конечно, достоин едкой сатиры, которой в арсенале поэта предостаточно. Однако он так благодушен и умиротворен отдыхом в родных местах, что вместо злой эпиграммы слагает ироничный мадригал:

О, ты, о, Соснина
И Маркин Петя!
Вас, видимо, от сна
Возвал Ай-Петри,

Он вдунул на ветру
Бактерию на подвиг,
На творчество! На труд!
И вот вы, вот вы...

...Придет пора менять
Грим человеческий –
Но ваши имена
Пребудут, вечны! [14, с.43].

Интересно, как сложилась судьба этого курортного романа?

В Балаклаве И. Сельвинский, видимо, встретил знакомых чиновников из Народного комиссариата финансов. Они весело проводили время с местными девушками. На что И. Сельвинский, отдохнувший с обожаемой красавицей – женой Бертой, отреагировал весьма иронически:

Здесь пеня пьянят, как вина,
Здесь в воду летят, как в термы,
С балаклавянскими гетерами
Фавны из Наркомфина [14, с.39].

Еще одним забавным моментом является пустая страничка с названием «Алушта». В сноске автор поясняет, что без этого города «коллекция крымских «марок» является географически неполной», но он там еще не побывал. Однако «...коллекция была бы неполной и чисто художественно, если б в ней наряду с «дубликатами» не было пустых мест, ждущих своего заполнения» [14, с.47].

Самоиронией украсил И. Сельвинский рассказы о Ялте и Симферополе. В Ялте поэту почему-то взгрустнулось, да и в гостиничном номере « в обоях дыря. Стол неопрятный». Настроение помогает исправить...самовар:

В такое время года
Сам самовар пузатый
Хотел бы быть большим пароходом
А если нельзя, то –
Чайкой.

А я? – Не того ли жажду?
И пожав ему правую ручку,
Сажусь и, снявши его старушку,
Пою свою жажду
Чаем [14, с.45].

Ласковая снисходительность сквозит в строчках, посвященных поэтом-москвичом провинциальному «чиновничьему, старушечьему, архивному» Симферополу. «Хороший город» допустил «оплошность / И в нем случайно родился – Я!», – восклицает Сельвинский. А в скобках добавляет: «А после этого случая / Произошла революция...» [14, с. 35].

Что касается жанра рассматриваемого цикла, – это лирика. Исследователь Степанова И.А делит её на автопсихологическую и ролевою [15, с.49]. Часто ученые тратят массу времени на выяснение того, к какому виду лирики относится то ли иное стихотворение. Такие трудности есть и у исследователей творчества Сельвинского [15, с. 48-54]. Однако в данном случае бесспорно, что «Крымская коллекция» - образец автопсихологической поэзии, так как её лирический герой – сам автор с собственным мироощущением и духовно-биографическим опытом.

В «Крымской коллекции» нехарактерное для И. Сельвинского «малолюдь» - нет героев, кроме самого автора, слабая социальная злободневность, граничащая с отрешенностью от обсуждаемых в социуме проблем. С другой стороны, отметим характерные для поэта явления: ассоциативность авторского мировосприятия – не удалось расшифровать слово «зунд» в стихотворении о Коктебеле; лингвистические упражнения в виде индивидуально-авторских образований: «бронелитен», «балаклавянские», «случая», «щирит», «пенья», «дырья» и другие; антропоморфизм – очеловечивание природы, животного мира: «волна...сообщает...по телефону», «стадо жирных камней... становится умней», «умный серый скат гуляет», «камни движутся...ползут» и т.д.

Отпуск 1929 года у Ильи Сельвинского получился спокойный, безмятежный. Но впереди его ждали жизненные бури 1930-1932 годов. Разгром конструктивизма, разносы, проработки, работа сварщиком на заводе...

Может показаться удивительным, но в «Крымской коллекции» ни разу не использовано слово «счастье». А ведь оно так созвучно Крыму! Однако слово это здесь и не нужно. Все строки цикла проникнуты любовью к благодатной земле и ласковому морю. Разнообразный арсенал художественных средств, использованный И. Сельвинским при создании «Крымской коллекции», в конечном итоге создает у читателя ощущение того, что «Крым» и «счастье» – это синонимы. Через много лет, радуясь освобождению полуострова от нацистской оккупации, поэт просто и ясно выразил это в известных строках:

И если
Очень
Захочется
Счастья
Мы с вами поедem в Крым! [13, с.232].

Источники и литература:

1. Абдураманова Ш. А. Крымский пейзаж и традиции крымскотатарской литературы в творчестве И. Л. Сельвинского / Ш. А. Абдураманова // И. Л. Сельвинский и литературный процесс XX века : материалы Пятой Междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымский архив, 2000. – 144 с.
2. Альманах литературных музеев Крыма. – Симферополь : Крымская Академия гуманитарных наук, 1996. – № 2 : Тематический выпуск к 100-летию со дня рождения И. Л. Сельвинского. – 157 с.
3. Бачинская А. А. «Крымский народ» и «крымская культура» в осмыслении И. Сельвинского / А. А. Бачинская // И. Л. Сельвинский и литературный процесс XX века : материалы Пятой Междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымский архив, 2000. – С. 108-114.
4. Гаврилюк В. Л. Черты поэзии и жизни Ильи Сельвинского : учеб. пособие / В. Л. Гаврилюк. – Симферополь : КАГН, 1999. – 68 с.
5. Дайнеко Л. И. Жизнь и творчество Сельвинского как объект краеведения / Л. И. Дайнеко // И. Л. Сельвинский и литературный процесс XX века : материалы Пятой Междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымский архив, 2000. – С.91-97.
6. Красный Крым. – 1929. – 2 июля, 6 августа.
7. Неведрова И. А. Маринистика в лирике И. Сельвинского / И. А. Неведрова // И. Л. Сельвинский и литературный процесс XX века : материалы Пятой Междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымский архив, 2000. – С.114-119.
8. Неведрова И. А. Полисенсорные образы природы в пейзажной лирике И. Л. Сельвинского / И. А. Неведрова // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь : Крымский архив, 2003. – № 2. – С. 70-76.
9. Пастухова Л. С. «Расписано всей палитрой» (цвет в лирике И. Л. Сельвинского) / Л. С. Пастухова // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь : Крымский архив, 2006. – № 4. – С. 43-48.
10. Резник О. Жизнь в поэзии. Творчество И. Сельвинского / О. Резник. – М. : Советский писатель, 1981. – 528 с.

11. Русские писатели и поэты. (Советский период) : библиографический указатель : т. 23. – СПб., 2000. – 576 с.
12. Рустемова Л. А. Крымский «контекст» И. Сельвинского / Л. А. Рустемова // И. Л. Сельвинский и литературный процесс XX века : материалы Пятой Междунар. науч. конф. – Симферополь : Крымский архив, 2000. – С. 73-80.
13. Сельвинский И. Л. Избранные произведения / И. Л. Сельвинский. – Л. : Л.о. изд-ва Советский писатель, 1972. – 960 с.
14. Сельвинский И. Избранное / И. Сельвинский. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2007. – 72 с.
15. Степанова И. А. «... Где же я, где лицо, где хоть череп?» (К вопросу о разграничении автопсихологической и ролевой лирики И. Сельвинского) / И. А. Степанова // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь : Крымский архив, 2003. – № 4. – С. 48-54.
16. Туралина Н. А. Образная модель мира в поэтическом дискурсе И. Сельвинского / Н. А. Туралина // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского. – Симферополь : Крымский архив, 2003. – № 4. – С. 33-37.

Дружинина Е.С.

УДК 008:7.033.3...7-7.011.2

АРХЕТИП ВЛЮБЛЁННОГО В ПОЭЗИИ КРЫМСКИХ ХАНОВ

Бахчисарайский дворец-музей широко известен за пределами Крыма как замечательный памятник средневековой архитектуры. Прекрасные его залы, дворики, фонтаны привлекают огромное количество туристов. Многие приходят на могилу Диляры Бикеч – легендарной красавицы, воспетой А. С. Пушкиным в поэме «Бахчисарайский фонтан». Но не все знают, что жившие в этих стенах ханы были не только грозными воителями, но и тонкими ценителями красоты, иногда поразительно талантливыми поэтами.

Крымскотатарская культура своими корнями уходит в традиции разных народов. Несомненно и общеизвестно происхождение династии Гераев из Золотой Орды. Но нельзя отрицать и тот факт, что исламская культура Крыма впитала в себя традиции культур Закавказья, Малой и Средней Азии и впоследствии Османской Турции.

Средневековый Восток сыграл огромную роль в развитии мировой культуры. Арабы сохранили для европейцев труды Аристотеля и многие другие достижения античности. Известно, какое значение для Европы получило знакомство рыцарей-крестоносцев с образцами арабской любовной лирики. Древняя основа этой лирики – поэтические предания арабов-кочевников, свободолюбивых и гордых людей. В странствующем племени каждый человек был на счету, женщины могли наравне с мужчинами скакать на конях и стрелять из луков, личное достоинство женщины не ставилось под сомнение. Поэты из племени узра прославились печальными стихами о целомудренной и верной любви. Любовное чувство представляло как высшая ценность, разлука с любимой – как самый тяжкий удар судьбы.

Выражением этого мировоззрения стал широко известный сюжет о любви Лейли и Меджнуна, который вдохновил многих поэтов. Начало поэтической традиции положил сам Меджнун (VII в.), вошедший в историю культуры и под своим настоящим именем Кайс ибн аль-Мулаввах. Меджнун значит безумный. Легенда гласит, что он бежал в пустыню, не в силах перенести разлуку с Лейлой, которую сородичи выдали замуж за другого, что, обезумев от горя, он общался лишь с дикими зверями. Кайс сочинил прекрасные стихи, в которых даже мучительное страдание предстало как бесценный дар, неотделимый от сути любовного чувства.

Поэмы о Лейли и Меджнуне (самые знаменитые из них принадлежат Навои, Джами, Низами, Физули) рисуют любовь настолько самозабвенную, что она не требует награды или счастья, воспринимается как величайшая ценность, более необходимая, чем жизнь. Рыцари, познакомившиеся с арабской лирикой, принесли образ этой любви в Южную Европу, положив тем самым начало традициям провансальской лирики, от которой и пошло представление о рыцарской любви.

Начало расцвета арабской литературы связано и с именем Ибн Хазма (994–1064 гг.), автора знаменитой книги «Ожерелье голубки» («Таук аль-хамама»), в которой переплетались стихи и проза, соединившие темы любви с мусульманскими представлениями о добродетели и достойном поведении. Там тоже не было духа гаремной неволи, любовные чувства были воспитаны городской культурой с её уважением к личности.

В начале второго тысячелетия нашей эры получила распространение поэзия суфиев, которая соединяла мистико-религиозные настроения с эротической символикой, выражавшей устремление души верующего через семь ступеней искания, познания и самосовершенствования к слиянию с божеством. Сначала она воспринималась как некая ересь, но затем сблизилась с ортодоксальным исламом. Идеи платоновского «Пира» были, несомненно, в чём-то близки к этим мотивам. В культуре суфизма сублимация плотской страсти происходила через экстатическое состояние, которое достигалось посредством ритма и музыки, пения и танцев-кружений (танцы дервишей) и метафорически выражало слияние человека с божеством. Газели-импровизации, рожденные во время таких танцев, отличались особой музыкальностью. Одним из первых знаменитых поэтов-суфиев стал Джалал-ад-Дин Руми (1207–1279 гг.). В его творчестве любовь, приближающая человека к Богу, делает сущность человека столь светлой, что он оказывается достоин самого возвышенного чувства. Эта традиция получила на Востоке широкое распространение.